

«ЛЕГКА, УРАЛ, ТВОЕЙ ЛЮБВИ ЛАДОНЬ!»

Литературная история Уральска и Приуралья насыщена событиями и связана со множеством имен, внесших значительный вклад в культурное наследие региона и страны в целом.

Творческое объединение писателей и поэтов Уральска «выпустило» множество талантов, появившихся благодаря поддержке мэтров пера. Среди них Татьяна Азовская и Акуштап Бактыгереева, Энгельс Габбасов и Владислав Ирхин, Жангали Набиуллин и Тамара Шабаренина, Владимир Криворотенко, Михаил Никитин, Юрий Баев и многие другие.

Историю ЛиТО никто не писал. Не было надобности, времени или просто не придавалось значения ничему, кроме творчества. Писали стихи, прозу и статьи, публиковали книги, проводили творческие вечера. «Не надо заводить архива...» – не исключено, что и этот завет Бориса Пастернака сыграл свою роль.

Среди руководителей ЛиТО особенно часто вспоминают Николая Федоровича Корсунова – замечательного писателя, который установил прочные культурные связи между Уральском и Оренбургом. Благодаря Николаю Корсунову многие наши авторы смогли публиковаться не только в Казахстане, но и в издательстве «Оренбургская книга», в альманахе «Гостинный двор», стали членами Союза писателей России, были награждены международными литературными премиями. Почти тридцать лет руководил Николай Федорович крупнейшей в Казахстане писательской межрегиональной организацией Западного Казахстана, дал путевку в жизнь многим прозаикам, поэтам, публицистам, краоведам.

Были еще среди руководителей Алпамыс Бектурганов, Алексей Святынин, Акуштап Бактыгереева и другие поэты и писатели. В какой-то период ЛиТО и вовсе осталось без помещения, и рассеялись литераторы по городу и области кто куда. «Иных уж нет; а те далече...» – долгое время поэты и писатели активно собирались в народном музее «Старый Уральск», там же вскоре нашли приют и молодые поэты, которые проводили поэтические вечера и литературные дебаты.

В 2015 году в Уральске был торжественно открыт Центр культуры и искусства имени Кадыра Мырза Али, в котором филиал Союза писателей Казахстана обрел свой новый дом. Секция русскоязычной литературы стала собираться в здании напротив – в Доме дружбы Ассамблеи народа Казахстана Западно-Казахстанской области в кабинете Центра русской культуры.

*Сергей БЫКОВ,
председатель ЗКО ОО «Центр русской культуры»*

Татьяна АЗОВСКАЯ (1948–2019)

* * *

А главное: останется река –
исток судьбы, дремучий голос крови.
Здесь хитрый предок обучался воле
и обживал крутые берега.

Здесь мать моя глядела на разлив,
чтобы, когда покинут гнёзда птицы,

глаза последней дочери могли
уральной волною повториться.

И как не властны голоса друзей,
как ни бегу на зов, – глаза прикрою:
опять стоит будара на приколе
и, словно солнце, чешуя язёй
расплещется по днищу, засверкав
наградю за промысел нелёгкий.
А на яру подсолнухов головки
заломлены фуражкой казака.

Здесь на песке – тепло моих следов.
Здесь помнит губы спелость ежевики.
И родина – как первая любовь,
чтоб рассказать о ней, мы – безъязыки.

Мне б только знать отныне, навека,
приняв в родню всю даль
страны огромной,
что – главное – останется река,
на берегу которой молвлю:
– Дома!

* * *

Но так любить, как я люблю Его,
Никто не может и не смеет!
Лишь имя назову – уста немеют,
Как будто их морозом обожгло.
Его увижу ль, прикоснусь к письму,
И опалит своим значением слово.
И сердце, неподвластное уму,
Избранницей назвать меня готово.
Он – только мой! Я на Него права
Отстаиваю вечным беспокойством.
И смех Его в моих глазах смеётся,
И боль его – в моей крови жива!
...И вольный росчерк
АЛЕКСАНДР ПУШКИН
Мне столько лет покоя не даёт.

Друзьям

И вот – уже молчать нельзя,
Как будто в кровь вошла иголка.
Мои прекрасные друзья,
Я вас прошу: – Живите долго!
Стон ветра и наклон травы,
Любви нечаянной приметы,
Мои друзья – всё это – вы...
Бессмертья, оказалось, нету.
Никто не заменим вовек!
– Увы, банально, но не просто!
Когда уходит человек,
То всею тяжестью сиротства,
Всем одиночеством, стыдом –
Не защитили самых лучших! –
Казним свой суматошный дом
За мнимое благополучье,
За то, что не сказали фраз,
Диктуемых святым наитием...
Пока не пробил страшный час,
Любимые друзья, – простите.
День продолжается, дразня
Чередованием быстротечным.

Мои бессмертные друзья,
Я вас люблю! – Живите вечно!

Провинциальные города

В провинциальных городах
есть ощущение покоя,
как будто лёгкою рукою
их осеняет благодать.

Здесь дом пронесёт высоко
свое значение. И ступени
из душевных зарослей сирени
к реке сбегает босиком.
И, вырываясь из оков
густых плетней, роднят со светом...
Седобородых стариков
невозмутимые беседы.
Прохожему, как щедрый дар,
поклон вручается при встрече...
В провинциальных городах –
не быт, а бытие и вечность.
Здесь лишним не бывает рот,
чужим здесь не бывает горе.
Здесь спаяны единым корнем
Природа –
Родина –
Народ.

* * *

Спи, мой Урал, до будущей весны!
Спи под присмотром берегов высоких!
Звезду верхушкой зацепил осокорь
и погасил, чтоб не тревожить сны.
Спи, мой Урал, до будущей весны!

Храни тебя, удача и ветла!
А ты – храни веков былую славу.
Как руки мамы, здесь надежны травы,
и, словно лик её, – заря светла.
Храни тебя, удача и ветла.

Святая память не остудит кровь.
Взойду на яр – глазам предстанет
снова
последняя надежда Пугачёва –
казачки Усти горькая любовь.
Святая память не остудит кровь.
Как рассказать о доблестях твоих?
– Пересчитать ли солнечные блики?
Люблю речь вольницы многоязыкой,
степной напев, похожий на разлив,
на пьяный запах молодой чилиги.

Как рассказать о доблестях твоих?
 Спи до весны! Легка любви ладонь,
 и яркое свет, пролившийся на землю.
 А у затона тихо баржи дремлют,
 и жаркий лист кружится над водой...
 – Легка, Урал, твоей любви ладонь!

* * *

Оставь меня с бедой наедине.
 Не потому, что я не верю в жалость,
 но как бы состраданье ни старалось, –
 в чужом пиру для нас похмелья нет.

Для жалости не экономя сил
 и возгордясь отважным соучастьем,
 ты так перехвалил моё несчастье,
 что, не успев спасти, закабалил.

Боль – не делима! Дай за шагом шаг
 самой пройти её круги и бездны,
 чтоб невесома, как после болезни,
 навстречу жизни вздрогнула душа.

Когда ж придёт час радости моей,
 встань ровень с нею и не позавидуй,
 на пересуд пустой молве не выдай
 и мудрым снисхождением не убей.

Я, может, после соглашусь с тобой,
 что радости недолговечны сроки...
 Но в счастье оставаться одинокой –
 страшнее, чем наедине с бедой!

Тамара ШАБАРЕНИНА (1946–2025)

«Я здесь остался б...»

Он здесь бы снял своё пальто,
 Когда б примерил малахаи.
 «Октябрь. Уж роща отряхает...»
 Он здесь остался бы. А то?

Здесь про походы Пугача
 Ему нашёптывали струги,
 И ветер без шапки у излуки
 Его свободой угощал!

Течение птиц и облаков
 Рвало аханов трепыханье
 И давнедавние преданья,
 И речь яицких казаков.

...Когда бы Болдинская сень
 Над Ханской рощей не сенила
 И та, ещё иная сила,
 Он здесь остался б насовсем!

...Беда в лазоревой шали –
 Принцесса вальса – Аграфена!
 Он здесь остался б непременно,
 Когда б не хворь по Натали...

И век – не век, и год – не год:
 Урал руками разливными
 Держал и держит это имя
 И Чёрной речке не даёт!..

Устинья

Меж небом и водной синью
 Сквозь марево века рябое
 Идёт за водою Устинья.
 Бадейки гремят – за судьбою!
 Дымы за сожжённым собором
 Несут подвенечные платы.
 Темны золотые узоры,
 Смурны хитроглазые сваты,
 Казачке ль бежать от Яика,
 От звень-кандалов на запястье,
 От чернобородого лика,
 От лиха, которое – счастье?
 Бадейки звенят, не смолкая!
 Бедует, бунтует Заполье!
 Пойдёт под венец молодая
 По воле! По воле! По воле!
 И пусть разобьётся священник –
 протестом падёт с колокольни!
 Дороже серебряных денег
 Жених, «осударь» ли, разбойник...
 И пусть раскромсает столетье
 берег ножовый Бухарский!
 Но будет он помнить, что плети
 Цариц поласкают по-царски!
 Не страшно остаться ничейной!
 Не страшно, что праздник – вчерашний!
 Не страшно принять заточенье:
 Когда за любовь – так не страшно!

Владислав ИРХИН (1938–2012)

Родина

Мой милый край, тебя со мною нет.
Здесь тоже снег и сильные морозы,
и лунный свет прозрачен, словно слёзы,
но власти той его над сердцем нет.

О сколько раз, покинувши тебя,
познав столиц палаты и задворки,
тайком в душе я слал тебе восторги,
но вдаль влекла меня моя судьба.

Который век мы – блудные сыны.
И новых чувств, наверно, в нас не будет.
Мы то, что есть: как лёгкие в простуде,
как скрип пера, как блудные сыны.

И трудно знать, что завтра молвит Бог.
Клятв не терплю. Но если просят громче –
я этот стих не знаю, не закончу,
откуда ж знать, что завтра скажет Бог?

Но всё ж вдали, за тысячной верстой
есть некий штрих, да штрих ли это или
нет ничего и всё наговорили?
И Родина – всего лишь звук пустой?

И не пристойна мужеству печаль,
а лунный свет – повсюду одинаков...
но что в груди всё воет по ночам,
как в подворотне осенью собака?

Ужель шумит в нас глухой русский хмель
и на печи нам слаще, чем на троне?
И только там, за тридевять земель,
горит, горит звезда в моей короне?

О Родина! Легко сказать «прости!»
Но как насадны звуки в этом слове.
Свети ещё, ещё сильнее свети!
Смути меня своей красотою вдовей,

но дай не льстить, не совершать обет,
а дай – прозреть, притихнуть
и сквозь слёзы
лишь прошептать, как некогда поэт:
«Как хороши, как свежи были розы!»
О Родина! Как ни горьки пути,
и как порой ни тяжелеют веки,
свети ещё! Ещё сильнее свети!
Всё – тлен и прах! Но ты в глазах – навеки!

* * *

Когда нам слаще миг объятья,
чем вечность в небесах, –
то от триумфа до распятия
не более чем шаг.

Когда супружеской измены
никто не избежал –
вся жизнь игра, и мир как сцена,
и крови жаждет зал!

Но если ты нежней, чем солнце,
и мудр, как океан,
то спрячь меня на самом донце,
в душе, как талисман.

И страсть, которой я рискую,
о не подставь клейму!
Не подпусти молву людскую
к безумству моему.

И блеск известности скандальной
толпе не уговь.
Оставь мне жизнь! Останься тайной,
не убивай любовь!

Ведь от триумфа до распятия
не более чем шаг...
Мне слаще миг в твоих объятьях,
чем вечность в небесах!

* * *

Скажите, кланялся –
последнему костру над августом,
где сказками печальными
стояли в горле женщины случайные,
чтоб звёздами исчезнуть поутру.

Скажите, кланялся –
рассветной тишине реки,
росе, стыдливой, но ликующей,
всем парусам, вокзалам всем, –
чему ещё? –
скажите, кланялся нагой голубизне

земли, Отчизны ли, как там ни нареки
тот кров, тот свет,
которым столько ранился,
проклясть какой превыше
и тоски, и сил моих...

Скажите – кланялся.

Ирина УРАЛЬСКАЯ (ДМИТРИЕНКО)

О городе

Уральск арбузный, дынный,
Пропитанный вареньевым душком,
Товаром полон дачный рынок,
Сентябрьским желтеющим деньком.

Дыра дырой, а люб до боли.
Распахнутая пластика окон,
И дверь открыта, если просят соли,
С казачьих дедовских времён.

Уральск, покинутый родными,
На сотни километров нов,
Лежит на сердце и поныне
Дорог изогнутая бровь.

В большой семье полно народу,
Казак исконный житель тут.
Мир тесен, и толкают годы,
Но город страсти не берут.

* * *

Плескалась рыбка красная
У берегов Урала.
Палила пушка, баснями
Крыловскими встречала.

Девицы дома Карева
Приятно улыбались.
На дровенках ухаристо
Казаченьки смеялись.

А время рыбу выбило,
Мелел Урал кормилец,
Того, кого улыбило,
Убило на бойницах.

Разбитые корытца
Повсюду разбросало.
Ни теремков, ни домиков.
Базар всему начало.

Одёжки переменчивы,
Как мысли на яру...
Уральские отличия
Сотрут, «кады» помру.

Осенние павы

Мы плачем стихами,
Кленовыми листьями,
Косыми дождями,
Неясными мыслями.

Мы плачем на сене,
В саду опустевшем,
Бедою осенней
На лавку присевши.

Мы плачем молитвой,
В церквушке знакомой,
Пред Божьей калиткой,
У светлого дома...

Мы плачем горюче,
Над женскою долей,
Под снегом колючим,
Над скованным полем...

Все выплачем слёзы,
На землю, на травы,
Длиннющие косы...
Осенние павы.

Полина БОЙКО

* * *

Я про любовь не буду говорить.
Пусть про неё расскажут птицы:
Счастливые в весенней луже воробьи
И за окном поющие синицы,
И клин уставших в небе журавлей,
И на листке зелёном Божии коровки,
Тюльпанов островки среди полей
Изящно выгнутые алые головки.
И станет ясно всё до простоты.
В Любви земной купаемся
И Я и Ты.

